

Вторникъ, 6 июля 1904 г.

№ 177. Годъ четырнадцатый. № 177.

Вторникъ, 6 июля 1904 г.

Условия продажи съ доставкой, в Ростовъ, Грозный и
всѣмъ подписчикамъ:

12 н.—9 р., 11 н.—8 р., 10 н.—7 р., 9 н.—6 р.,
8 н.—5 р., 7 н.—4 р., 6 н.—3 р., 5 н.—2 р., 4 н.—1 р.,
3 н.—1 р., 2 н.—1 р., 1 н.—1 р.

За доставку загранич. изд. добавоч. 50 н. ежемесячно.

Подписка принимается съ 1-го числа.

За доставку загранич. изд. добавоч. 25 н.

За объявленія: за строку, занимаемую полнотомъ на 1-й стро-
нѣ, 20 н., на 4-й стрононѣ—10 н.

При многократн. печатаніи—скидка по соглашенію.

За редакц. изд. при газетѣ—3 р. отъ каждой тысячи.

Самая редакция находится въ Ростовѣ на Дону, на Бол.

Савской улицѣ, въ собств. домѣ.

Контора открыта ежедневно отъ 8 час. утра до 8 ч. ве-
чера, въ воскресенье и празднич. дни отъ 10 до 12 ч. дня.

Отдѣльные номера въ Ростовѣ на Д. и въ отдѣленіяхъ—5 н.

Телефонъ конторы № 210.

ПРИАЗОВСКИЙ КРАЙ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Ростовъ, 6 июля 1904 г.

Ростовъ, 6 июля 1904 г.

Ростовъ, 6 июля 1904 г.

Ростовъ, 6 июля 1904 г.

Ростовъ, 6 июля 1904 г.

Ростовъ, 6 июля 1904 г.

Ростовъ, 6 июля 1904 г.

Ростовъ, 6 июля 1904 г.

Ростовъ, 6 июля 1904 г.

Ростовъ, 6 июля 1904 г.

Ростовъ, 6 июля 1904 г.

Ростовъ, 6 июля 1904 г.

Ростовъ, 6 июля 1904 г.

Ростовъ, 6 июля 1904 г.

Ростовъ, 6 июля 1904 г.

Ростовъ, 6 июля 1904 г.

Въ Буживаль умеръ Тургеневъ.
Вчера въ одной московской газетѣ я прочиталъ:

— Со смерти Тургенева русское общество не имѣло болѣе тяжелой утраты.

Эти слова написаны близкимъ другомъ Чехова, но мнѣ кажется, что въ нихъ больше скромности, чѣмъ истины.

Я сказалъ бы такъ:

— Насъ постигъ еще болѣе тяжелый ударъ, чѣмъ тотъ, который отнялъ у насъ Тургенева.

Я не думаю, что Чеховъ былъ значительнѣе Тургенева, но вѣдь онъ былъ *молодше!*..

Смерть пришла къ Тургеневу въ вечеръ его жизни, когда онъ далъ уже все, что могъ дать.

Смерть подкралась къ Чехову въ день его расцвѣта, когда еще не отошла зрѣлая молодость, когда еще ярко кипѣла вся сила чувства и ума, когда оставалось увѣренно и блистательно творить и творить...

Это чудовищно! Сорока четырехъ лѣтъ умереть—Чехову!..

Если бы мы даже, могли забыть скорбь о чловѣкѣ,—развѣ мы можемъ не скорбѣть въ этой смерти о себѣ?

Эта смерть ограбила, обездолила, разорила насъ!

Она унесла въ бездну богатѣйшую розсыпь самыхъ чудныхъ брилліантовъ—какіе только сверкали намъ въ послѣдніе 10-15 лѣтъ!..

Еще долго, долго мы надѣялись обогащаться въ этой розсыпи,—но пришла смерть—и все кончено.

Все кончено!..—представляете себѣ вы, что—все?..

Чеховъ умеръ 44 лѣтъ: если мы вспомнимъ о Джорджѣ Эліотъ, которая на 43-мъ году жизни только написала свой первый романъ,—и стала знаменитой и оставила много произведеній,—то мы скажемъ, что эта проклятая смерть украла у насъ, быть можетъ, цѣлую сокровищницу гениальныхъ твореній шедшаго къ своему апогею огромнаго таланта...

Что Чеховъ могъ дать—мы представляемъ по тому, что онъ далъ.

У меня есть знакомый, который любитъ повторять:

— Легче быть героемъ подъ стѣнами Трои, чѣмъ сокрушать яичную скорлупу.

Чехову не выпало «быть героемъ подъ стѣнами Трои».

Предыдущее поколѣніе писателей имѣло предъ собой дореформенный строй и крѣпостное право: и на этомъ фонѣ слово писателя звучало, какъ боевой кличъ—и произведеніе художника—было какъ героическій выпадъ, какъ набатъ,—потрясавшій ветхія зданія, но во время Чехова уже вся работа была сдѣлана—и наступилъ періодъ шатанія и разочарованія—періодъ „яичной скорлупы“...

Кипѣніе и надежды эпохи реформъ смѣнились эпохой ихъ переоцѣнки, эпохой оскуднѣнія барства, безвременьемъ усталого пессимизма, ханжлы, крохоборства, футляровъ и винта...

Вотъ, кого и что выпало изображать Чехову.

Извѣрившійся интеллигентъ, разорившійся баринъ, пошлая сонливость, чловѣки въ футлярѣ, пропивающееся мѣщанство, растерявшійся мужикъ, и тоска, тоска—все это просилось на полотно художника, все это составило циклъ его образовъ и картинъ.

Виновать ли онъ?

Виновать ли онъ, что ему пришлось сказать свое слово не передъ мощной утренней зарей, а „въ сумеркахъ“ (—название его сборника рассказовъ), что ему пришлось писать про „хмурыхъ людей“, у которыхъ были „скучныя исторіи“, что передъ нимъ не море кипѣло, но лишь ниво колыхалась вязкая „тина“, тихо рыдала „степь“ о своей „тоскѣ“, называли „въ оврагѣ“ „мужики“ и печально осыпался когда то прекрасный „Вишневый садъ“...

Легче быть героемъ подъ стѣнами Трои, чѣмъ сокрушать яичную скорлупу.

Маленькая жизнь незамѣтныхъ лю-

дей—не того меньшаго брата, о которомъ полагается говорить съ припо-
нятымъ сочувствіемъ, а просто—незамѣтныхъ по внутреннему своему запусѣнію ординарныхъ людей—потомъ обычный сюжетъ Чехова, но какой огромный размахъ, какое глубокое проникновеніе, какое величіе тихой печали!..

Въ разсказахъ и пьесахъ Чехова запечатлѣно нѣчто большее, чѣмъ русская жизнь его эпохи: русская *душа* его эпохи...

Замѣчательно, что персонажи Чехова—особенно изъ его разсказовъ не перешли въ обиходъ, не стали общими извѣстны, не сдѣлались нарицательными типами, какъ Рудинъ, Базаровъ, Обломовъ: его герой—не лицо, не собирательная русская душа, не тили другое направленіе—но вообще—русская жизнь.

Съ кѣмъ сравнить Чехова?

Прямой продолжатель Тургенева—достойный современникъ Толстого—это былъ русскій Мопассанъ, если не болѣе глубокой по анализу, то болѣе глубокой по значенію специально для насъ.

Чеховъ-драматургъ даже еще не можетъ быть достаточно оцѣненъ.

Его «Чайка» была освистана—но она преобразовала русскую драму—драматургъ, для котораго Чеховъ не будетъ образцомъ,—отнынѣ обрекаетъ себя на ничтожество—хотя бы его пьесы и шли сотни разъ...

Нѣтъ, нѣтъ!.. Это все—не то.

Слишкомъ велика утрата, чтобы можно было взвѣшивать и разсуждать...

Мы осиротѣли!

Тотъ не достоинъ имени интеллигента, кто не понимаетъ этого въ сердцѣ своемъ...

Мы осиротѣли...

И его судьба была сплетена не изъ розъ, а изъ терній,—и объ этомъ еще будетъ время поговорить...

Одна пьеса Чехова кончается словами:

— Мы отдохнемъ! Мы отдохнемъ!..

Теперь онъ *отдохнетъ*—и отъ терній, которые даже до послѣднихъ дней лежали на его пути.

Онъ *отдохнетъ*...

Но какъ *намъ* перенести эту утрату, это несчастіе, эту скорбь безпродѣльную?

Скиталецъ.

ОТКЛИКИ.

Вишневый садъ осыпался...

Надъ нимъ пролетѣлъ жестокой ураганъ—и онъ уже больше никогда не зацвѣтетъ.

«Умолили звуки дивныхъ пѣсенъ! Не раздаваться имъ опять?.. Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ и на устахъ его печать»...

Чеховъ умеръ...

Въ эти дни неизвѣстности мы думали, что горе можетъ придти къ намъ только съ Дальняго Востока, гдѣ гремитъ кровавая военная гроза...

На оно подкралось къ намъ съ мирнаго Запада, подкралось, усыпивъ насъ сѣтлыми надеждами, подкралось тогда, когда нельзя было его ожидать.

Не на этихъ ли еще дняхъ мы читали, что Чеховъ хорошо себя чувствуетъ въ курортѣ, что здоровье его окрепло, что онъ даже замышляетъ ѣхать на войну!..

И вдругъ—эта ужасная вѣсть: умеръ!..

Уже три дня эти два слова точатъ мой мозгъ и подымаютъ въ немъ цѣлый вихрь мыслей,—но нѣтъ выражений и нѣтъ связи и только хочется плакать и повторять:

— Ужасно!.. ужасно...

Баденвейлеръ...

Это имя, которое вдругъ стало такъ трагично для русскаго уха, теперь у всѣхъ на устахъ, какъ 21 годъ тому назадъ другое имя иностраннаго города:—Буживаль.

перспективы, представляемыя...